

Ruslan Vladimirovich PUZIKOV

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Tambov, Russia

ruslanlaw@mail.ru

ДОКТРИНА ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята попытка определения места и роли доктрины права в механизме государственного регулирования. Автор отмечает, что правовая доктрина является особенной категорией, с присущим исключительно ей языком выражения правовых идеи и способов формулирования положений (аксиом, правил, терминов и т.д.), а также, что немаловажно, доминированием недокументированной формы их выражения. Доктрина, будучи отправной точкой для объяснения правовых явлений, предопределяет их детальное изучение. В работе приводится этимология термина «доктрина», определены её формы, описаны механизмы воздействия доктрины на развитие правовой системы как элемента, который вносит порядок в систему общественных отношений. Автор обращает внимание, что правовая доктрина всегда является продуктом научной активности, и сама по себе позволяет научным образом определить доминирующий тип мышления и правопонимания. Теоретико-правовые подходы, получившие официальную общественную поддержку, лежат в основу концепции правовых реформ и идеологически определяют их развитие. К правовой доктрине, как её источнику, обращаются все субъекты, действующие в правовом пространстве. Устоявшиеся доктринальные цели и принципы способствуют планомерным преобразованиям общественных отношений. Однако только результаты комплексных исследований, характеризующихся глубиной и многоаспектностью, могут претендовать на статус правовых аксиом, догм и принципов. Правовая доктрина является ничем другим как проявлением формирования нового правового мировоззрения. В работе рассматриваются основные этапы возникновения правовой доктрины как регулятора общественных отношений, анализируются предпосылки, свидетельствующие о неэффективности применения правовой доктрины и правовой политики современного государства, а также перспективы их эволюции.

Ключевые слова: правовая доктрина, правовая политика, общественные отношения, эволюция.

THE DOCTRINE OF LAW: CONCEPT, STAGES OF ESTABLISHMENT AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

ABSTRACT: The author made an attempt to determine the place and the role of the legal doctrine in the state regulatory mechanism. The author claims that the legal doctrine is a special category, with a specific language which presents legal terms and which can formulate regulations (axioms, principles, definitions, etc.), and what is equally important - the dominant, non-documentary form of their expression. The doctrine, being the starting point for revealing legal phenomena, forces them to examine them in detail. The article presents the etymology of the term "doctrine", defines its forms, describes the ways in which

the doctrine influences the development of the legal system as an element which orders social relations. The author notes that the legal doctrine is always a product of scientific activity and this is the reason why it enables to define the dominant type of thinking and understanding of the law. Theoretical and legal approaches that have officially gained public support create concepts of law reforms and ideologically guide its development. All the institutions operating in the legal space refer to the doctrine of law - as its source. The perpetuated doctrinal goals and principles favor gradual changes in social relations. However, only the results of deep, multifaceted and comprehensive research can aspire to the status of legal axioms, dogmas and principles. The doctrine of law is nothing but the expression of the creation of a new legal worldview. The article also describes the basic stages of the emergence of the legal doctrine as a regulator of social relations, it analyzes the premises determining the ineffectiveness of applying the doctrine of law and the legal policy of a modern state, as well as prospects of their evolution.

KEYWORDS: legal doctrine, legal policy, social relations, evolution

---

DOKTRYNA PRAWA: KONCEPCJA, ETAPY USTANOWIENIA I PERSPEKTYWY ROZWOJU

ABSTRAKT: W materiale podjęto próbę określenia miejsca i roli doktryny prawa w mechanizmie regulacyjnym państwa. Autor zauważa, że doktryna prawna jest szczególną kategorią, z właściwym tylko sobie językiem prezentowania idei prawnych i sposobami formułowania regulacji (aksjomaty, zasady, definicje, itp.) a także, co jest równie ważne – dominującą niedokumentowaną formą ich wyrażenia. Doktryna będąc punktem wyjścia dla wyjawienia zjawisk prawnych zmusza do ich szczegółowego badania. W pracy zaprezentowano etymologię terminu „doktryna”, określono jej formy, opisano sposoby wpływu doktryny na rozwój systemu prawnego jako elementu porządkującego stosunki społeczne. Autor zauważa, że doktryna prawna zawsze jest produktem aktywności naukowej i jako taka pozwala w sposób naukowy określić dominujący typ myślenia i rozumienia prawa. Teoretyczno-prawne podejścia, które zyskały oficjalnie społeczne poparcie kreuja koncepcje reform prawa i ideologicznie ukierunkowują jego rozwój. Do doktryny prawa – jako jego źródła – odwołują się wszystkie podmioty działające w przestrzeni prawnej. Utrwalone doktrynalnie cele i zasady sprzyjają stopniowym przemianom w stosunkach społecznych. Jednak wyłącznie wyniki kompleksowych badań, cechujących się głębią i wieloaspektowością, mogą pretendować na status aksjomatów prawnych, dogmatów i zasad. Doktryna prawa jest niczym innym jak wyrazem tworzenia się nowego światopoglądu prawniczego. W pracy opisano także podstawowe etapy powstawania doktryny prawa jako regulatora stosunków społecznych, przeanalizowano przesłanki decydujące o nieefektywności stosowania doktryny prawa i polityki prawnej współczesnego państwa, a także perspektywy ich ewolucji.

SŁOWA KLUCZOWE: doktryna prawa, polityka prawna, stosunki społeczne, ewolucja

Начиная разговор о понятии и сущности правовой доктрины, следует отметить, что юридическая доктрина представляет собой особое правовое явление, которое характеризуется свойственным только ей языком изложения правовых идей и конструкций, специфическими способами формулирования ее положений (аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и т.п.), а также, что немало-важно, преимущественно бездокументарной формой их выражения. При формировании модели правового

регулируя традиционно особое место занимают научные работы в области права. Именно в них проводятся тщательные исследования тех или иных правовых институтов: изучается их природа, история становления, тенденции развития, этимология происхождения терминов, проводится сравнительный анализ со сходными институтами отечественной правовой системы, а также зарубежных государств. Это касается как механизма совершенствования законодательства, так и методологии толкования законов. Особая роль здесь отводится созданию новых правовых категорий и уточнению уже действующих, что способствует эффективной реализации такого признака правовых норм, как формальная определенность, а также их буквальному толкованию. Следует согласиться с мнением ученых, которые оценивают роль доктрины в современных условиях как чрезвычайно важную в совершенствовании законодательства, в создании правовых понятий и в методологии толкования законов¹.

В то же время доктрина во всей ее полноте структуры является отправным моментом выражения правовых явлений, что в свою очередь обязывает нас более детально изучать данное правовое явление. Именно установление этимологии термина «доктрина», создание ее понятийного аппарата и определение ее форм, выявление способов влияния правовой доктрины на функционирование и развитие правовой системы становятся главными задачами современной отечественной юридической науки.

Словари содержат достаточно развернутые дефиниции этого познавательного феномена. В советском энциклопедическом словаре под «доктриной» понимается учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип². В другой энциклопедии «доктрина» понимается как систематизированное политическое, идеологическое или философское учение, концепция, совокупность принципов. Термин часто употребляется при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма³. Также встречается такое толкование искомого термина, как учение, научная или философская теория⁴. Самые простые и емкие определения этого понятия, помещенные в словарях, следующие: «Доктрина – учение, научная или философская теория, система, руководящий принцип»⁵; «Доктрина – научная или философская теория, система»⁶.

Имеются и более развернутые определения термина «доктрина». Так, «доктрина (лат. *doctrina* – учение) – некоторое систематизированное учение (обычно философское, политическое или идеологическое), связанная концепция, совокупность принципов. Термин «доктрина» (в отличие от почти синонимических ему «учение», «концепция», «теория») чаще встречается при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма

¹ См., напр.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 313.

² Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1983.

³ Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

⁴ Ожогов С.И. Словарь русского языка. М., 1970.

⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 407.

⁶ Словарь русского языка. М., 1985.

(откуда выражения: «доктринер» об упорном защитнике устаревших доктрин, «доктринерский», «доктринерство»)), – отмечается в Философском энциклопедическом словаре. В Современном философском словаре дается определение доктрины, отличающееся некоторой новизной: «Доктрина (от лат. *docere* – учить, *doctrina* – учение) – авторское учение; совокупность принципов; система теоретических положений о какой-либо области явлений; система воззрений какого-либо ученого или мыслителя»⁷.

Однако нет ни одного словаря либо энциклопедии, которые раскрывали бы содержание понятия правовой доктрины как особого регулятора общественных отношений. Прежде чем сформулировать собственное определение правовой доктрины, попытаемся выделить характеризующие ее признаки с тем, чтобы оно было лаконичным и емким одновременно.

В первую очередь, здесь следует отметить тот факт, что юридическая доктрина всегда выступает продуктом профессиональной научной деятельности. «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов»⁸. В связи с этим очень важно с научной точки зрения выявить тот самый господствующий тип мышления и правопонимания с тем, чтобы законодательная и правоприменительная деятельность не столкнулась с проблемой невостребованности обществом принимаемых ими решений. Только путем доктринального регулирования, на наш взгляд, происходит «онаучивание» переходного права, развертывание его интеллектуально-гуманистического содержания. Теоретико-правовые разработки, получившие официальную и общественную поддержку, становятся концепцией правовой реформы и начинают влиять на правовое развитие в определенном идеологическом направлении. К правовой доктрине как источнику права апеллируют субъекты правовой деятельности, обращаясь к формуле «по утвердившемуся в научной литературе мнению». Доктринально устойчивые юридические цели и принципы правового регулирования служат постепенному преобразованию общества. Именно юристы, посвятившие себя науке, способны заниматься фундаментальными исследованиями, которые в конечном счете могут трансформироваться в концептуальные положения, претендующие на статус юридических аксиом, догм, принципов и презумпций. Только комплексные научные разработки, отличающиеся глубиной и всесторонностью, должны являться основой для определения приоритетов и выбора путей достижения целей. Правовая доктрина представляет собой концентрированное выражение нового, формирующегося накануне перехода научного юридического мировоззрения. А.П. Герасименко разграничивает юридические и идеологические правовые системы, утверждая, что последние насыщены доктринальным

⁷ Словарь современного русского литературного языка. М., 1993. С. 333.

⁸ В.В.Сорокин, Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>.

содержанием⁹. Но думается, что в этом состоит удел всех правовых систем, и переходная правовая система – не исключение. Являясь центром системы источников переходного права, правовая доктрина выступает атрибутивным элементом любой правовой системы.

Несколько иное мнение в отношении авторства правовой доктрины имеет А.И. Демидов, который рассматривает ее как совокупность согласованных приоритетов, принципов и методов обоснования и достижения поставленных целей, выработанных юридическим сообществом¹⁰. Кроме того, в работах иных ученых также трактуются более широко источники формирования юридической доктрины. Так, В.Л. Кулапов¹¹, М.И. Абдулаев¹², С.Э. Серкерев¹³, говорят о том, что положения доктрины излагаются в трудах не только авторитетных ученых, но и практиков. Не отрицая в данном случае вклада практических работников, особенно занимающих ключевые посты в высших органах государственной власти, следует отметить, что сделанные ими в результате правоприменительной практики выводы без соответствующего научного обоснования вряд ли в своем большинстве могут претендовать на статус основополагающих принципов и аксиом права. Иными словами, независимо от того, кто именно по профессии, практический работник или ученый, сделал тот или иной вывод, все они должны сопровождаться соответствующим научным обоснованием. Здесь также следует отметить, что в современных условиях многие ученые одновременно являются практикующими юристами либо практические работники проводят научные исследования на основании уже сложившегося опыта практической деятельности. Это позитивный опыт, поскольку научные выводы в данном случае как бы сразу же апробируются на практике и, наоборот, многие из них формируются на основании разработанных юридической практикой и неоднократно подтвержденных ею тех или иных принципов правил поведения.

Главнейшую методологическую, философскую, мировоззренческую, наконец, проблему в доктрине права, по мнению Д.И. Степанова, представляет вопрос о соотношении смысловых построений, полученных при применении методологического инструментария юриспруденции на разнопорядковых уровнях. В упрощенном виде эта проблема может быть проиллюстрирована дискуссией о том, возможно ли опровержение правовых построений, производимых в рамках доктрины, конструкциями, полученными на практике, либо

⁹ А.П. Герасименко, Юридические и идеологические правовые системы. М., 1996. С. 209.

¹⁰ См.: А.И. Демидов, Принципы юридической доктрины России // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 8.

¹¹ См.: В.Л. Кулапов, Теоретические основы государства и права: методические рекомендации для повторения курса. Саратов: СГАП, 2003. С. 110.

¹² См.: Правоведение: учебник для вузов / под ред. М.И. Абдулаева. СПб.: Питер, 2003. С. 123. (Автор главы – М.И. Абдулаев совм. с С.Э. Серкеревым).

¹³ Там же.

наоборот¹⁴. То же самое относится и к правовым образованиям, анализируемым в рамках позитивного права¹⁵.

Поэтому доктрина, прежде чем уходить в хитросплетения частных, прикладных вопросов, должна снова и снова ставить основные, глубинные вопросы, сотрясающие догму права до ее основания, но при этом не выходя за рамки предметного поля юриспруденции, частного права и не пускаясь в туманные метафизические дали¹⁶.

Любая доктрина, в том числе юридическая, это не просто совокупность взглядов отдельных ученых, а продукт их совместного согласованного творчества в такой его уникальной форме, при которой вовсе не требуется процесса согласования в буквальном смысле этого слова. Бесспорно, здесь могут иметь место научные дискуссии, которые, как правило, разворачиваются на страницах журналов, прения, ведущиеся на конференциях и т.п. Однако при этом могут быть и такие способы общения, которые связаны, например, с восприятием чьей-либо точки зрения и дальнейшим ее развитием либо, наоборот, с критикой какой-либо позиции, развенчивающей ее, в связи с чем та или иная гипотеза перестает быть объектом исследования. Подобные процессы могут длиться десятилетиями, прежде чем, какое-то научное предположение станет бесспорным утверждением или приобретет характер общеизвестного факта. В данном случае следует согласиться с позицией В.М. Баранова, который об этом говорит так: «Я исхожу из идеи непрерывности, целостности теоретико-правового процесса познания...»¹⁷. Все сказанное свидетельствует о преемственности в становлении и развитии юридической доктрины. В соответствии с вышесказанным следует сослаться на работу М.И. Байтина «О формировании российской юридической доктрины нового столетия», в которой ученый анализирует и дает оценку основным направлениям современного правопонимания – нормативного (позитивного) и широкого. «Квинтэссенцию того и другого, – пишет М.И. Байтин, – составляет вопрос о понятии права... Только на основе четкого представления о том, что есть право, можно определить перспективы развития и пути повышения эффективности как правовой науки, так и практики правотворчества, применения и других форм реализации права». Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос о праве является всегда современным и актуальным, что позволяет вести дискуссии о нем даже в аспекте «выбора определяющей, системообразующей парадигмы, которая могла бы быть положена в основу формирования юридической доктрины (правопонимания) нового столетия»¹⁸.

¹⁴ Д.И. Степанов, Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 26.

¹⁵ Так, еще Л.И. Петражицкий указывал на то, что теория права страдает смешением теоритической точки зрения с практически-догматической (см.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 369; см. также: Лукин Р. Методология права. М., 1981. С. 25).

¹⁶ Д.И. Степанов, Указ. раб. С. 27.

¹⁷ См.: В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 5.

¹⁸ См.: М.И. Байтин, О формировании российской юридической доктрины нового столетия // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 6.

1. Основываясь на данном высказывании, также можно сделать вывод о том, что юридическая доктрина представляет собой особое отношение к праву, доктринальный взгляд на него, то есть «правопонимание». Действительно, в своих авторских исследованиях ученые в процессе познания формулируют выводы, в которых отражается их собственный взгляд на различные правовые институты, принципы и т.п. В отличие от результатов работы законодателя, в которых отражается не понимание права, а констатация его содержания, в доктрине излагается его видение и представление о нем, о том, каким оно должно быть. В то же время, исследуя природу термина «взгляды» в контексте его употребления при формулировании текстов официальных доктрин (например, Доктрины информационной безопасности), В.М. Баранов предлагает в данном случае вместо понятия «взгляды» оперировать термином «официально принятая позиция». «Логика познания правовой действительности такова, что «взгляды» либо рассеиваются, либо концентрируются в некий «сплав», который охватывается иной категорией – «позиция»¹⁹.

Безусловно, юридическая доктрина разрабатывается в связи с актуальными проблемами правового регулирования. Данное обстоятельство влияет на содержание доктрины того или иного исторического периода жизни государства и общества. Так, современная юридическая доктрина во многом отлична от юридической доктрины советского периода истории нашего государства.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»²⁰. В этом проявляется значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, положенной в основу законотворческого и правоприменительного процессов.

Необходимым условием эффективности реализации юридической доктрины является оперирование в ней языком юридической науки. Прежде чем сформулировать его отличительные черты, следует сказать вообще об особенностях языка права, который «возникает как функциональная трансформация нормативных высказываний доправового, социального регулирования и представляет собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, вырабатываемых и применяемых в целях правового регулирования поведения участников общественных отношений. Слово в системе языка права адаптируется к потребностям точного и ясного изложения правовой информации»²¹. 1. Оценивая роль доктрины, автор говорит о том, что она «создает словарь правовых понятий, содержит закономерности, с помощью которых

¹⁹ См.: В.М. Баранов, Указ раб. С. 23.

²⁰ См.: А.В. Малько, Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

²¹ См.: А.Н. Шепелев, Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 3.

законодатель закрепляет право в законах, толкует нормативно- правовые акты...»²². Язык правовой доктрины в связи с этим, по нашему мнению, должен отвечать таким требованиям, как четкость формулировок, уместное оперирование юридическими категориями и терминами, последовательный характер изложения мыслей, стремление к формальной определенности выводов, предложений и заключений, верное установление тождеств и идентификации понятий, которые немисливо выполнить без неукоснительного соблюдения положений юридической доктрины.

Целеполагание при проведении научных исследований в области юриспруденции должно базироваться на необходимости применения их результатов в законотворческом процессе.

Иначе, доктрина будет мертва. Другими словами, применение ее положений в законотворческом процессе есть высшая цель юридической доктрины.

Специфическим свойством выражения доктринальных положений как составляющих юридической доктрины являются аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и иные подобные основоположения, в том числе концепции.

Прежде чем установить, что наука понимает под термином «юридическая доктрина», следует также сказать о том, что данный феномен имеет различные наименования: правовая доктрина (Л.А. Морозова²³, М.Н. Марченко²⁴, В.Л. Кулапов²⁵); догма права, доктрина права (В.С. Нерсисянц); доктрина, или юридическая наука (М.И. Абдулаев²⁶, С.Э. Серкерев²⁷); доктрина и юридическая доктрина (Рене Давид²⁸); юридическая доктрина (Н.И. Матузов²⁹, М.И. Байтин³⁰, А.В. Малько³¹, А.И. Демидов³²).

Так, Л.А. Морозова рассматривает правовую доктрину как теории и учения, В.Л. Кулапов – как признанные государством в качестве общеобязательных некоторые принципы и нормы поведения, изложенные в трудах ученых и практиков, М.И. Абдулаев и С.Э. Серкерев – как изложение правовых принципов, правил поведения в трактатах, трудах авторитетных представителей юридической науки и практики, которым придается общеобязательное значение, А.И. Демидов – как совокупность согласованных, принятых юридическим сообществом приоритетов, принципов, средств и методов обоснования

²² См.: А.Н. Шепелев, Указ. раб. С. 16.

²³ См.: Л.А. Морозова, Государство и право. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: НОРМА, 2003. С. 139. 320 с.

²⁴ М.Н. Марченко, Теория государства и права: учебник. М.: Юрид. лит., 1996. С. 287. 432 с.

²⁵ См.: В.Л. Кулапов, Указ. раб. С. 110.

²⁶ См.: М.И. Абдулаев, Указ. раб. С. 123.

²⁷ См.: С.Э. Серкерев, Указ. раб. С. 123.

²⁸ См.: Р.Давид, Жюффри-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 105, 189.

²⁹ См.: Матузов Н.А. Идея диктатуры закона в контексте российской юридической доктрины // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 12.

³⁰ См.: М.А. Байтин, Указ. раб. С. 6. 8 См.: Малько А.В. Указ. раб. С. 14. 9 См.: Демидов А.И. Указ. раб. С. 8.

³¹ См.: А.В. Малько, Указ. раб. С. 14.

³² См.: А.И. Демидов, Указ. раб. С. 8.

и достижения поставленных целей, В.С. Нерсесянц – как собирательное понятие для обозначения всей совокупности юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, составляющих основы догмы права. П.С. Пацуркивский формулирует понятие финансово-правовой доктрины государства, под которой понимается совокупность основополагающих концептуальных идей, научных знаний о его финансовой деятельности, выраженных в аксиомах, презумпциях, законодательно закрепленных нормах финансового права³³.

1. Как видно из приведенных определений, следует различать самостоятельные виды юридической доктрины в зависимости от самостоятельных критериев, на основании которых и выделяются соответствующие виды. Так, в зависимости от содержательной стороны доктрины нами выделяются общеправовая доктрина в контексте доктрины позитивного права, отраслевая юридическая доктрина, формируемая в рамках отдельной отрасли права, а также доктрина отдельного правового института. В качестве примера последней можно говорить о юридической доктрине публичности статуса Банка России, необходимость выработки которой требуется по высказыванию Е.Н. Пастушенко³⁴

2. В зависимости от источника формирования юридической доктрины мы выделяем собственно юридическую доктрину (термин Рене Давида³⁵), или юридическую доктрину в буквальном смысле слова, и юридическую доктрину государства. Рамками настоящего исследования в основном охватывается первый аспект данного понятия, поскольку он представляет для нас наибольший интерес, так как позволяет таким образом исследовать именно теоретические основы феномена «юридическая доктрина». Более того, юридическая доктрина государства представляет собой скорее его правовую политику.

Зачастую в научных работах подменяются понятия доктрина и концепция законопроекта. Например, В.Т. Томин пишет:

«Названный документ никакая не концепция, в нем очень мало от какой-нибудь доктрины»³⁶. Даже веками обсуждаемые правовые феномены (например, разделение властей) называют то концепцией, то доктриной³⁷. В соответствии со словами Н.И. Матузова: «По нашему мнению, эта концепция (доктрина) должна включать в себя...»³⁸, также можно говорить о нечетком разграничении указанных понятий. В свою очередь,

³³ См.: П.С. Пацуркивский, Особенности финансово-правовой доктрины постсоциалистического государства // Финансовый механизм и его правовое регулирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Саратов: СГСЭУ, 2003. С. 26.

³⁴ См.: Е.Н. Пастушенко, Юридическая доктрина публичности статуса Центрального банка Российской Федерации // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения / под ред. А.И. Демидова. Саратов: СГАП, 2003. С. 173.

³⁵ См.: Р. Давид, Жоффре-Спинози К. Указ. раб. С. 190.

³⁶ В.Т. Томин, Современная российская уголовно-процессуальная доктрина: есть ли она и, если есть, чему служит? // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 108.

³⁷ В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 52.

³⁸ Н.И. Матузов, Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Издательство НОРМА, 2003. 528 с. С. 85.

в работе А.Я. Капустина «Европейский союз: интеграция и право» автором используется одновременно в одном и том же контексте понятие «концепция прямого действия норм права Сообщества»³⁹ и понятие «доктрина прямого действия права Сообщества»⁴⁰, при этом из анализа указанной работы видно, что ее автор не считает данные термины различными по своему содержанию. В данном случае необходимо отметить, что имеются весьма существенные признаки, отличающие доктрину от концепции законопроекта. Наиболее обоснованно и аргументированно данный вопрос был раскрыт В.М. Барановым⁴¹. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с высказанным им мнением о том, что «концепция, по всей видимости, более богатое по содержанию и более широкое по объему понятие, ибо она содержит в себе не только научные взгляды, теоретические положения, но и обозначает пути и этапы их практической реализации, реального функционирования»⁴². Как представляется, именно учение, теория, доктрина и является основой концепции, при этом доктрина составляет ее «научное ядро».

В этом плане вряд ли можно согласиться с В.П. Петровым, который, хотя и разграничивает понятия «доктрина» и «концепция», но при этом считает, что «доктрина завершает процесс концептуального выражения идеи и осмысления деятельности и придает ей статус официальной потребности»⁴³.

В данном случае необходимо уделить особое внимание проблеме разграничения указанных понятий. В.М. Баранов, исследуя концепцию законопроекта в качестве приема юридической техники, «разбирается» в этимологии понятия «концепция», под которой в различных словарях понимается «ведущий замысел», «система взглядов», «определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений», «понятие», «образ понятия» и т.п. Также указанный автор приводит формулировку искомого понятия, данную Л.Д. Воеводиным, в соответствии с которой в «широком плане» под концепцией понимается «последовательно развиваемая, взаимосвязанная цепь рассуждений, которые подкреплены теоретическими аргументами и доказательствами, взятыми из реальной жизни, и конечная цель которых – объяснить природу обсуждаемого феномена и предложить отвечающие общественным потребностям оптимальные их решения». В контексте концепции законопроекта В.М. Баранов под концепцией понимает «официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме специально подготовленной научно-практической прогнозной информации, содержащей определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости

³⁹ См.: Капустин А.Я. Европейское сообщество: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН, 2000. С. 336.

⁴⁰ А.Я. Капустин, Указ. соч. С. 323.

⁴¹ В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 54-58.

⁴² Там. С. 56.

⁴³ Петров В.П. Оборонно-конверсионные концепции как социальные потребности государства: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Н. Новгород, 1999. С. 41.

подготовки и принятия конкретного закона», которая является «автономным приемом юридической техники, самостоятельным этапом законотворчества»⁴⁴. Таким образом, по нашему мнению, концепцию можно считать составной частью юридической доктрины.

Уникальной особенностью юридической доктрины является возможность бездокументарной формы выражения ее положений. Результаты научных изысканий фиксируются в монографиях, выступлениях с докладами на конференциях, изданиях сборников научных трудов и т.п. Главное, что юридическая доктрина живет в доктринальном сознании (профессиональном и научном правосознании).

Значение юридической доктрины особенно важно в современных условиях с учетом проводимых в нашем государстве политических и экономических реформ. Это объясняется не только объективными причинами, связанными с необходимостью глубокого научного исследования всех нововведений, кардинальным образом изменивших основы государственного устройства и общественных отношений, но и с причинами субъективного характера, возникающими также в связи с указанными реформами. В данном случае речь идет о правовой демагогии⁴⁵, которая по справедливому высказыванию В.М. Баранова, является «вечным спутником политико-юридической сферы», особенно активно используемым в подобных условиях. Названный автор выделяет такие формы ее проявления, как «огульное развенчание всех результатов отечественной (особенно советской) правовой науки и практики», «предложение отменить научно обоснованный и эффективный закон», «сознательное принятие декларативных по форме (и глубоко демагогических по содержанию) нормативно-правовых, в том числе законодательных, актов» и др.⁴⁶. В борьбе с этим негативным явлением особую роль призвана сыграть юридическая доктрина, которая должна сформулировать концептуальные взгляды по данной проблеме, позволяющие не только верно его распознавать, но и эффективно бороться с ним. Вместе с тем, как отмечает В.М. Баранов, правовая демагогия несет в себе и положительную функциональную нагрузку. Так, она заключается в том, что в результате ее демагогического по своей сути действия фиксируется внимание юридической общественности и правящей элиты на пробеле, юридической ошибке (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной) либо ином дефекте законодательства⁴⁷.

Непосредственно регулятивную роль правовой доктрины как источника переходного права можно рассмотреть на примере общепризнанных принципов международно-правовых документов, включаемых во внутринациональное законодательство. Отметим, что

⁴⁴ См. подробн.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 11-73.

⁴⁵ Под правовой демагогией В.М. Баранов понимает особый вид социальной демагогии, состоящий в общественно опасном, намеренном, обманном, конфликтном, внешне эффективном воздействии отдельного лица либо различных объединений граждан (иностранцев) на чувства, знания, действия доверяющих им людей посредством различных форм ложного одностороннего либо грубо извращенного представления правовой действительности для достижения собственных порочных корыстных целей, обычно скрывааемых под видом пользы народу и благосостояния государству (см.: Баранов В.М. Указ. раб. С. 52).

⁴⁶ См.: В.М. Баранов, Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: СГАП, 2001. С. 38-59.

⁴⁷ См.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 51.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. прямо называет источником уголовного права только общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 1). Общепризнанными можно считать принципы международного права, имеющие силу, юридически обязательную для всех государств. Такие принципы считаются юридически обязательными, если они принимаются и признаются международным сообществом государств. М. Шау полагает, что общепризнанные принципы права – «это определенные общие правовые положения, характерные для многих различных правопорядков»⁴⁸. В условиях пробелов в национальном праве и в случаях провозглашения верховенства общепризнанных принципов права последние обретают юридическую силу в границах данного государства.

В процессе сближения правовых систем и унификации новейших конституций общепризнанные принципы права как синтез общечеловеческих ценностей становятся приоритетным источником правового регулирования. В основе общепризнанных принципов права лежит всеобщая заинтересованность государств в наличии общеприемлемого правового решения постоянно растущих проблем.

В связи с этим следует поддержать позицию В.М. Баранова, который в своих трудах выделяет ряд функциональных характеристик концепции законопроекта, которые, на наш взгляд, можно отнести к соответствующим характеристикам юридической доктрины. При этом необходимо отметить, что данные понятия не являются тождественными. Юридическая доктрина выступает своеобразным итогом развития юридической науки, показателем степени совершенства последней, демонстрацией ее реальных возможностей. Вместе с тем, она служит основой для последующих разработок и предложений по дальнейшему развитию законодательства, является фактором эффективности современного законодательного процесса. Особая роль отводится юридической доктрине как катализатору процесса подготовки оригинальных частных методик и рекомендаций по более эффективной реализации (и особенно правоприменению) законодательных норм. Кроме того, В.М. Баранов оценивает концепцию в качестве важного средства гармонизации правовой системы, основы для толкования юридических норм, средства установления и разрешения юридических коллизий, одного из способов выявления пробелов в законодательстве, достаточно надежной и объективной базы для правоприменительного, особенно судейского усмотрения, ориентира для всех видов и уровней конкретизации принятого на ее основе закона⁴⁹.

Проявление конструкции, идеального образования – высшая цель доктрины, а потому дефиниции, классификации и систематизации инструментальны. Доктрина права суть наука по каталогизации правовых конструкций, идеальных построений. Вместе с тем, мир не терпит пустоты, а потому доктрина призвана не только каталогизировать идеальные построения, но и закрывать лакуны, возникающие в фактическом правопорядке,

⁴⁸ M. Shaw, *International Law*, Kent, 1977, p. 52.

⁴⁹ См.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 87.

следовательно, доктрина, если она обладает эффективной методологией, до- страивает право, предлагая новые правовые конструкции⁵⁰.

1. Прогнозирование в доктрине права представляет собой удивительный пример отражения на более высоком уровне отрицания иного и утверждения сущностного. Отходя от внешне положенных по отношению к идее права моментов, утверждая чистое бытие права, в прогнозировании эволюции известного правового феномена, правовой конструкции мы приходим к наполнению внешними элементами на будущее такой конструкции (любое рассмотрение на оси «прошлое – настоящее – будущее» уже суть внешне, поскольку идеи не живут в подобной системе координат, они вневременны – к ним понятие времени не применимо, поскольку они могут соотноситься лишь с категорией вечности). Таким образом, в поисках сущностного, отвергая функциональное, обнаруживается новое функциональное, хотя и на более высоком уровне⁵¹.

2. Значимость юридической доктрины выражается в том, что логическим следствием выполнения ее требований и правил является унифицированное и непротиворечивое законодательство. Обилие нормдефиниций, дублирующие и путанные термины, произвольная структуризация текста, неудачное формулирование правовых норм, игнорирование системных связей и ошибочные ссылки, отсылки – все это снижает качество законов и лишает их необходимого технико-юридического единообразия. Именно поэтому столь актуальна была инициатива Ю.А. Тихомирова, предлагавшего в свое время в целях унификации российского законодательства разработать и утвердить постановлением Правительства РФ общие правила законодательной техники⁵², что, к сожалению, реализовано и по наши дни.

На основании изложенного можно дать следующее определение юридической доктрины – это выработанная юридической наукой система взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая является моделью позитивного права, служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком-либо документе.

Как и любое социальное явление, юридическая доктрина обладает своими функциями. Необходимо отметить, что категория «функция» как в общей теории государства и права, так и в отдельных отраслях права до сих пор не получила однозначной оценки, единого понимания и трактуется по-разному. Сам термин происходит от латинского слова *functio*, т.е. совершение, исполнение, иначе говоря, функция есть реальное действие, деятельность.

⁵⁰ Д.И. Степанов, Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 22.

⁵¹ Там же. С. 24.

⁵² Там же.

При этом в науке принято рассматривать функции права в трех аспектах: 1) функция права получает интерпретацию в виде определенного направления юридического воздействия на общественные отношения; 2) ее определяют также через социальное назначение права; 3) функция права трактуется одновременно и как социальное назначение права, и как направление правового воздействия на общественные отношения⁵³.

Что же касается непосредственно самих функций юридической доктрины, то, на наш взгляд, к их изучению следует подходить комплексно, системно, учитывая разнообразные факторы и условия их реального осуществления. Это особенно важно в силу того, что юридическая доктрина является духовной структурой, идеальной функциональной системой, интегральной категорией духовно-ценностного освоения правового бытия. Отсюда следует, что юридическую доктрину следует анализировать как социальную систему со своим набором функций.

На сегодняшний момент в отечественном правоведении выделяют следующие основные функции правосознания⁵⁴, которые, на наш взгляд, вполне можно отнести к функциям юридической доктрины:

- познавательную;
- оценочную;
- регулятивную.

Под первой функцией, на наш взгляд, вполне обоснованно следует понимать осуществление процесса познания, осмысления правовой действительности. В реализации данной функции ведущую роль играет юридическая наука в лице как отдельных ученых правоведов, так и отдельных научных школ, направлений и теорий. Оценочная функция по справедливому утверждению ряда авторов⁵⁵ определяется как «определенное эмоциональное отношение личности к разным сторонам и явлениям правовой жизни на основе опыта и правовой практики». Регулятивная функция юридической доктрины как высшей формы правового сознания осуществляется посредством правовых установок и ценностно-правовых ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности⁵⁶.

Анализируя работы, посвященные вопросам правосознания, мы можем говорить о том, что некоторые авторы не останавливаются на общепризнанных функциях и в качестве одной из функций выделяют функцию правового моделирования, в которой «результатом познавательного и прогностического процесса является формирование

⁵³ См.: С.С. Алексеев, *Общая теория права*. М., 1981. Т. 1; Радько Т.Н. *Функции права*. Общая теория права. Н. Новгород, 1993; Он же. *Функции советских правовых норм. Нормы советского права. Проблемы теории* / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.

⁵⁴ См. например: Р.С. Байниязов, *Теоретические вопросы правосознания*. Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 44; *Теория государства и права: курс лекций* / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Юрист, 2001. С. 341.

⁵⁵ См.: *Теория права и государства* / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 329.

⁵⁶ Н.Л. Гранат, *Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел*. М., 1984. С. 25.

определенных моделей (правил поведения)»⁵⁷. В.А. Щегорцов выделяет регулятивную, идеологическую, нормативно-прогностическую функции⁵⁸, при этом он соглашается с мнением Е.А. Лукашевой о наличии такой специфической функции, как функция правового моделирования.

Необходимо отметить, что данная позиция не является однозначной. В частности, Н.Л. Гранат полагает, что основные функции (познавательная, оценочная, регулятивная) практически охватывают все остальные, например информативную или прогностическую и др.⁵⁹. По его мнению, выделение иных функций является неправильным подходом, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

Одним из оснований нашего несогласия с подобной формулировкой проблемы является убежденность, что подобный подход значительно сужает истинное содержание и сущность юридической доктрины и, что немаловажно, несет наиболее отрицательный эффект в современных условиях – значительно принижает истинную значимость юридической доктрины в общественной жизни. Кроме того, информативная (точнее сказать, информационная) функция, так же как и прогностическая, отнюдь не субсидиарные элементы вышеперечисленных трех основных функций, ибо они, по справедливому утверждению Р.С. Байниязова⁶⁰, имеют свой достаточно самостоятельный статус в духовно-правовом пространстве общества.

Представляется вполне обоснованной позиция о том, что именно прогностическая функция юридической доктрины выражает ее социальную значимость как духовного феномена, при помощи которого вполне возможно не только спрогнозировать дальнейшие тенденции развития права как социального института, но также правовой системы, юридической культуры, государственности, всей правовой реальности в целом.

В данном случае можно говорить о том, что социально-юридический прогноз – возможность выйти за рамки прошлого и настоящего, спроектировать правовое будущее – является одной из наиболее важных функций правовой доктрины и, как следствие, общественного сознания в целом. Именно юридической доктрине свойственно мечтание (в лучшем смысле этого слова), правовая фантазия и воображение, элемент юридической утопии, наличие правового подсознательного уровня и т.д. Именно проблемам прогнозирования дальнейшего развития права и совершения законодательства и представлений о дальнейшем развитии государственности, построения правового государства и гражданского общества посвящены труды наиболее ярких представителей правовой мысли древности, и, что наиболее значимо, данные мысли и размышления не оставляют мысли ученых до сих пор.

⁵⁷ Е.А. Лукашева, Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 105.

⁵⁸ В.А. Щегорцов, Социология правосознания. М., 1981. С. 100.

⁵⁹ См.: Теория права и государства / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 329.

⁶⁰ Байниязов Р.С. Указ. соч. С. 45.

То же самое касается и информационной функции юридической доктрины, которой присуще вовлечение в информационное юридическое поле индивидов, социальных групп, слоев и т.п., проведение политики просвещения, а главное, доведение до граждан, должностных лиц, общественных организаций, государственных органов определенной суммы юридической информации⁶¹.

Обоснованным представляется и отделение рядом авторов воспитательной функции юридической доктрины от информационной. В данном случае если информационная функция направлена всего лишь на ознакомление субъектов права с определенными правовыми сведениями без специальной цели проведения юридического всеобщего и воспитания, то воспитательная функция, напротив, нацелена на формирование правовых знаний, убеждений, установок при помощи правовой пропаганды, юридической агитации, правового обучения, самосовершенствования⁶².

Правовое воспитание представляет собой процесс систематического, целенаправленного, сознательного созидания и закрепления у людей юридической культуры и основ юридической доктрины. В основе правового воспитания, как и в любом ином воспитании, всегда лежит юридическое обучение как определенная система передачи, аккумуляции, усвоения прошлого исторического опыта правовой практики, юридических ценностей, правопонимания, правовой культуры, нормотворчества, правоприменения и т.д., а также привития соответствующих навыков и умений у граждан по реализации объективного и субъективного права в жизнь.

В целом юридическое воспитание призвано сформировать у человека правовую инициативность, самостоятельность, чувство уверенности в сфере права, правореализации, юридической практики, помочь избавиться от последствий девиантного поведения.

Юридическое воспитание представляет одну из важнейших составных частей правовой социализации, причем последняя реализуется непосредственно под влиянием правовой воспитательной работы, а также и других факторов.

Следует отметить, что правовая доктрина наибольший расцвет имела в государствах Древнего мира, где ее роль проявилась в том числе в формировании правовых систем современности. Одним из самых ярких примеров доктрины как источника права, встречающийся в истории политико-правовой мысли, бесспорно, является учение Конфуция (551-479 гг. до н.э.). Его взгляды изложены в книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), составленной его учениками. Регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция резко противопоставляется управлению на основе законов. «Если, – подчеркивал он, – руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться (от

⁶¹ О роли информационной общественной жизни подробнее см.: Малько А.В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. 1995. № 3; Он же. Двоичность информации и язык законодательства // Правоведение. 1993. № 1.

⁶² Подробнее см.: Р.С. Байниязов, Указ. соч.

наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится»⁶³. Уже вскоре после своего возникновения конфуцианство стало влиятельным течением этической и политической мысли в Китае, а во II в. до н.э. было признано официальной идеологией и стало играть роль государственной религии.

В I тысячелетии до н.э. возникает государственность в Древней Греции в форме самостоятельных и независимых полисов – отдельных городов – государств. Переход от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и политической форме организации общественной жизни сопровождался все более углубляющимся процессом социальной дифференциации населения и усилением борьбы между различными слоями общества – родовой знатью и обнищавшими общинниками, богатыми и бедными, свободными и рабами.

В результате этой борьбы к VI-V вв. до н.э. в разных полисах более или менее прочно устанавливается и развивается соответствующая форма правления, в частности демократия (власть народа, т.е. всех взрослых свободных уроженцев данного полиса) в Афинах и Абдерах, олигархия (власть богатых и имущих) в Фивах и Мегарах, близкая к аристократии (власти старой или новой знати, привилегированных «лучших») с пережитками царского и военно-лагерного правления в Спарте и т.д. Эти процессы нашли свое отражение и теоретическое осмысление в политических и правовых учениях Древней Греции. Мудрецы настойчиво подчеркивали основополагающее значение господства справедливых законов в полисной жизни. Некоторые из них, будучи правителями или законодателями, приложили немало усилий для практической реализации своих политико-правовых доктрин. Соблюдение законов, согласно Бианту, Хилону, Питтаку, Солону и др. древнегреческим мудрецам, существенная отличительная черта благоустроенного полиса. Так наилучшим государственным устройством Биант считал такое, где граждане боятся закона в той мере, в какой боялись бы тирана⁶⁴.

Но наибольшего расцвета правовая доктрина как источник права приобрела в Древнем Риме в виде эдиктов магистров и деятельности юристов. Так, одной из форм правообразования, специфичной именно для римского права, являются эдикты магистратов. Термин «эдикт» происходит от слова *dico* (говорю) и в соответствии с этим первоначально обозначал устное объявление магистрата по тому или иному вопросу. С течением времени эдикт получил специальное значение программного объявления, как по установившейся практике делали (уже в письменной форме) республиканские магистры при вступлении в должность. Юрист Гай писал, что «особенно важное значение имели эдикты:

Преторов (как городского, ведавшего гражданской юрисдикцией в отношениях между римскими гражданами, так и peregrinского, ведавшего гражданской юрисдикцией по

⁶³ История политических и правовых учений: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000. С. 28.

⁶⁴ См.: Антология мировой философии. М., 1996. Т. 1. Ч. 1. С. 606.

спорам между peregrinami, а также между римскими гражданами и peregrinami) и (соответственно в провинциях) правителей провинций.

Курульных эдиктов, ведавших гражданской юрисдикцией по торговым делам (в провинциях – соответственно квесторов)». В своих эдиктах, обязательных для издавших их магистратов, эти последние объявляли, какие правила будут лежать в основе их деятельности, в каких случаях будут даваться чеки, в каких нет и т.д. Эдикт, содержащий подобного рода годовую программу деятельности магистрата, называли постоянным в отличие от разовых объявлений по отдельным случайным поводам.

К особому источнику Римского права необходимо отнести деятельность Римских юристов. В произведениях Цицерона формы деятельности римских юристов подразделялись на:

1) консультационную работу римских юристов (дача гражданам, обратившимся к юристам, советов по возбуждавшим сомнение вопросам); 2) ограждение интересов данного гражданина при совершении сделок, также путем совета не включать какое-либо невыгодное условие и т.п., для этой цели юрист часто составлял формуляр договора, писал другие деловые документы; 3) руководство процессуальными действиями сторон (но не вести дело в качестве адвоката).

Юристы занимали (в прошлом и настоящем) высокое служебное положение. Римские юристы благодаря как этому внешнему обстоятельству, так и выделяющемуся качеству их консультаций имели большой авторитет и влияние. Не имея, разумеется, законодательной власти, римские юристы, тем не менее, своей консультационной практикой непосредственно влияли на развитие права авторитетом своих научно-практических заключений (*auctoritas iurisprudentium*, авторитет юристов). Придавая своими толкованиями закона определенный смысл отдельным нормам, юристы в своей практике фактически создавали нормы, приобретающие затем авторитетность, граничившую с обязательностью. Деятельность юристов, по существу имевшая назначение помогать применению действующих норм права, фактически получила значение самостоятельной формы правообразования.

Деятельность старых республиканских юристов выражалась, прежде всего, в толковании права. «Так и в нашем государстве (правосудие) строится или на основании права, т.е. писаного закона, или действует собственное гражданское право, которое устанавливается без записи, одним толкованием знатоков права»⁶⁵.

Проблемы формирования правовой доктрины в России всегда имели национальные особенности и, прежде всего, были связаны с тем, что Российская правовая система своими корнями уходит в глубокие пласты национальной культуры и государственности.

Древнейшими источниками русского права были обычаи славянских племен. С возникновением княжеств отдельные обычаи преобразовались в нормы обычного права. Дальнейшее развитие русской правовой идеи выразилось в движении к созданию единой

⁶⁵ Дигесты Помпония. Книга 1. Титул 2, параграф 12.

государственности. На смену вечевым собраниям стали приходить земские соборы. Основным источником права в этот период делается законодательство. XVIII век стал веком завершения отдельных самостоятельных этапов развития русского права. При Петре I идет активный «экспорт» европейской правовой культуры, который насаждается «сверху», самим государством. Специфично для формирования имперского права было то, что в нем одновременно продолжали присутствовать нормы, заимствованные из обычного права, а также наличествовали западные нормы. При этом, естественно, они часто противоречили друг другу.

Начальным этапом формирования юридической доктрины России можно считать период на рубеже XIX-XX вв. Основные тенденции, определявшие эволюцию научной юридической мысли в России во второй половине XIX – начале XX в., зародились еще в предшествующий период. Как известно, в тот период среди русских правоведов всецело преобладало историческое направление. Благодаря ему отечественное право окончательно утвердилось в качестве главного объекта исследовательского интереса. Научная разработка отечественного законодательства стала первейшей задачей русских правоведов. Правда, в правотворческом процессе большее внимание уделялось историческому аспекту, нежели современному, что, однако, не исключало плавного перехода к проблемам современности. Даже самые верные приверженцы исторической школы права признавали недостаточность исторического подхода в познании правовых явлений. Так, Ф.Л. Морошкин полагал, что цель университетского преподавания права заключается в том, чтобы возбудить у слушателей интерес, любовь к юриспруденции путем раскрытия в праве высших начал, идей правды и справедливости. Эти высшие начала он призывал искать, обращаясь не только к истории, но и к помощи юридической логики, а также к сравнению различных правовых систем.

Сама логика дальнейшего развития юридической науки вела к догматической разработке действующего законодательства. Подобная разработка началась еще в начале XIX в. Одним из первых стал пропагандировать ее в своих лекциях по гражданскому праву профессор юридического факультета Казанского, а затем Санкт-Петербургского университетов Д.И. Мейер.

«В науке гражданского права, – говорил он, – должно различать три элемента: исторический, догматический и практический»⁶⁶.

При этом на первое место ученый ставил догматический метод (в цитате – элемент), задачей которого он считал не только познание действующего гражданского законодательства, но также обнаружение общих начал, заключенных в конкретных отдельных положениях закона.

Вплоть до 60-х гг. XIX в. догматический метод в российской научной юриспруденции не был преобладающим. В ней продолжало господствовать историческое

⁶⁶ В.А. Умов, Понятие и методы исследования гражданского права. М., 1873. С. 22-23.

направление. Но дальнейшая эволюция юридической науки неизбежно вела к утверждению в качестве господствующего именно догматического метода изучения права. Этот процесс был ускорен Судебной реформой 1864 г.

Судебные уставы рекомендовали судьям в случаях обнаружения в законах пробелов, противоречий или неясностей основывать свои решения на общем их смысле, что свидетельствовало о предложении правоприменителям применять достижения науки в изучении действующего законодательства – изучении, которое не могло не быть, по понятным причинам, научно-догматическим. Рост авторитета научной юриспруденции среди юристов-практиков в результате Судебной реформы нашел свое отражение в резком повышении спроса на юридические книги. Практикующие юристы заводили библиотеки научной юридической литературы, подписывались на научные юридические журналы, которые создавались специально для догматической разработки русского права¹. В крупных российских городах, где имелись университеты, – Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Казани, а также в Курске учреждаются юридические общества, ставящие своей главной задачей объединение ученых-правоведов для совместного решения научных и практических вопросов права. В этих обществах обсуждались издававшиеся законы и выходившие в свет новые теоретические работы по праву.

Роль, которую приобрело правоведение в России во второй половине XIX в., заставила, прежде всего, по-новому осмыслить суть самого этого явления, его функции, цели и задачи. «Правоведение как наука должно быть: а) систематическим единством знаний, связанных одною общею идеей (права); б) изысканием высших причин (законов в научном смысле), от которых зависит осуществление и действие права. Иначе правоведение не имело бы основания называться наукою, иначе у этой отрасли знаний пришлось бы отрицать тот мотив, ту побудительную причину, которая лежит в основе всех других наук, т.е. прирожденное человеку стремление к истине», – писал А.Н. Стоянов⁶⁷. «Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, – отмечал К. Дыновский, – заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересам действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения»⁶⁸.

Л.И. Петражицкий рассматривал научную юриспруденцию как философскую по своему характеру умственную деятельность. «Та деятельность или стадия деятельности ученой юриспруденции, которую принято называть научным изучением права в тесном смысле, приведением содержания права в научную систему и т.п., сводится к двум видам научной работы: а) к обобщению, к созданию на основании частных понятий и положений права, добытых указанными выше работами, более абстрактных, более общих понятий

⁶⁷ А.Н. Стоянов, Указ. раб. С. 615-616.

⁶⁸ К. Дыновский, Указ. раб. С. 26.

и положений (с приведением их в систематический порядок); б) к дедуктивным выводам из этих общих понятий и положений новых, более специальных положений, к производству этим путем решений для разных вопросов, не предусмотренных непосредственно законами или не предрешенных вообще нормативными фактами»⁶⁹.

Догматическое направление захватило не только отраслевые юридические науки, но также и курсы законоведения. Догматический характер носили и курсы законоведения Н. Бакшеева⁷⁰, В.А. Долбина⁷¹ Э.А. Жуковского⁷² и др. Под «исторической» русские правоведы понимали такую энциклопедию, в которой излагались общие начала науки законоведения в их историческом развитии с древнейших времен до настоящего времени.

«Догматической» же энциклопедией, в отличие от «исторической», называлась та, где общие начала науки законоведения излагались «в том виде, в каком они развиты в настоящее время в сознании философов-юристов и политиков»⁷³.

1. Ко времени начала Первой мировой войны среди русских правоведов сформировалось стойкое убеждение о том, что юридический быт, законодательство России в высшей степени самобытны и что, следовательно, русская научная юриспруденция должна развиваться собственным, самостоятельным путем. «Юриспруденция Запада не стоит на правильном пути и в общем примером нам служить не может, – писал в 1913 г. профессор юридического факультета Новороссийского университета В.Д. Катков. – Вопреки широко распространенному представлению преемственная связь западноевропейской юриспруденции с юриспруденцией античного мира, римлян в частности, была прервана. Заимствовались частности, повторялись ошибки, извинительные для первоучителей, но самого важного, чему мы обязаны появлением римской юриспруденции – творческого духа римских юристов, – их преемники не унаследовали»⁷⁴.

К сожалению, этот процесс переоценки западноевропейских ценностей, который происходил в России не только в юриспруденции, но и в философии и в исторической науке, был прерван в самом начале политическими событиями 1917 г. Именно поэтому актуальными до сих пор представляются для нас следующие мысли В.Д. Каткова: «Знакомство с западноевропейским, например, гражданским оборотом, индуктивные выводы, из него сделанные, и законодательные нормы, построенные на основании этих индукций, всегда чрезвычайно поучительны для русского юриста. Однако это знакомство и эти индукции могут иметь и губительное влияние на правильность наших рассуждений, если мы упустим из виду различия между русскою и западноевропейскою жизнью, если мы придадим обобщениям западноевропейской науки универсальность, какой они не имеют, а юридическим формам – всюду – применимость, на основании применимости их

⁶⁹ Л.И. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 223.

⁷⁰ См.: Н. Бакшеев, Курс законоведения. СПб., 1883.

⁷¹ См.: В.А. Долбин, Курс законоведения. СПб., 1896.

⁷² См.: Э.А. Жуковский, Курс законоведения. СПб., 1898.

⁷³ Н. Рождественский, Энциклопедия законоведения. СПб., 1863. С. 23.

⁷⁴ В.Д. Катков, *Jurisprudentiae novum organon*. Одесса, 1913. Т. 1. Цивилистика. С. VI-VII.

к некоторым или многим случаям с приблизительно одинаковыми культурными условиями»⁷⁵.

Советское право восприняло от старого русского права такую концепцию правовой нормы, которая близка к ее пониманию в романо-германской правовой системе. Что же касается правовых категорий и институтов, то здесь нельзя не признавать оригинальности советского права. По внешнему виду в нем сохранились категории и институты романо-германской правовой системы. Однако по своему существу они в нем коренным образом преобразовались. В обществе нового типа, основанном на иной экономической системе и руководствовавшемся иными идеалами, имелись совершенно иные приоритеты.

В революционные годы русская интеллигенция проявила полное непонимание правотворческого процесса, она даже не знала той основной истины, что старое право не может быть просто отменено, так как его отмена имеет силу только тогда, когда оно заменяется новым правом. Напротив, простая отмена старого права ведет лишь к тому, что временно оно как бы не действует, но зато потом восстанавливается во всей силе.

Советская система права по внешнему виду оставалась такой же, что и система романо-германского типа. Однако здесь имелись и существенные отличия: семейное право отделялось от гражданского, исчезло торговое право, появилось колхозное и жилищное право, имелись и иные различия. Советские авторы возражали против того, чтобы отличия в системах права сводились лишь к формальным моментам, без рассмотрения содержания отраслей права.

Так, советское конституционное право существенно отличалось от конституционного права западных стран. Его характерными чертами являлись надзаконная роль, отведенная коммунистической партии, провозглашение в основном законе приоритета государственных интересов над правами человека, декларирование в ней классового, а не общечеловеческого подходов, что особенно ярко проявлялось в уголовном праве, а также осуществление власти советами на всех уровнях. Говоря о различиях в отдельных отраслях, следует также остановиться на характеристике административного права, уголовного, трудового, гражданского и др. Так, юристам западных стран неприемлемо для понимания административное право, которое не направлено на охрану прав личности и судебный контроль над администрацией. Для юристов социалистических стран основной была государственная политика строительства коммунизма, в связи с чем идею судебного контроля они заменили новым видом контроля, осуществляемым представителями народа и общественными организациями.

Для советской правовой системы остались чуждыми идея господства права и мысль о том, что надо изыскивать право, соответствующее чувству справедливости, основанному на применении, согласовании интересов частных лиц и общества. Право носило императивный характер, было теснейшим образом связано с государственной политикой,

⁷⁵ Катков ВД. *Jurisprudentiae novum organon*. Одесса, 1913. Т. 1. Цивили-стика. С. VI-VII. С. 51.

являлось ее аспектом, обеспечивалось партийной властью и принудительной силой правоохранительных (карательных) органов. В теории исключалась возможность для судебной практики выступать в роли создателя норм права. Ей отводилась лишь роль строгого толкователя права. Эта принципиальная позиция в какой-то мере подкреплялась и отсутствием в стране судебной «касты», которая претендовала бы на то, чтобы стать независимой от государственной власти, если не соперничающей с ней. Несмотря на конституционный принцип независимости судей и подчинения их только закону, суд оставался инструментом в руках господствующего класса, обеспечивал его господство и охранял, прежде всего, его интересы. Судебная власть не пыталась контролировать законодательную и исполнительную ветви власти. В СССР было трудно найти что-либо подобное контролю за конституционностью законов.

В настоящее время в результате перемен, произошедших, в первую очередь, в бывшем СССР, социалистическое право (за исключением некоторых стран) практически перестало существовать. Это в очередной раз доказывает тот факт, что, когда государство ставит себя выше права, когда право является «инструментом в руках господствующего класса или партии», такое государство заранее обрекает себя на развал и гибель. Несмотря на то, что социалистическое право перестало существовать как правовая система, его принципы и традиции продолжали реализовываться и жить. В отличие от Советского государства и ряда других социалистических государств, например, в Германии (после ее объединения) была проведена люстрация судебного ведомства. Ни один судья не остался на занимаемой должности ввиду того, что именно судьи являются носителями правовой традиции. Но более всего пережитки прежнего права сохранились в массовом сознании людей.

Формирование правовой доктрины на современном этапе развития России отличается следующими важными особенностями. Правовая система современной России принадлежит к особому типу правовой цивилизации. Ей свойственна специфическая система правовой идентификации. Вместе с тем, это не делает ее каким-то исключением среди правовых систем всего юридического мира. Для русского типа правовой идентификации характерно стремление правосознания вкладывать в явление права собственный социально-этический смысл, стихийнопрактический поиск справедливости вне строгой позитивистской юридической формы. Ценность российского права есть его способность к выражению духовности общества, от чего право-порядок приобретает завершенность и целостность с культурой.

На сегодняшний день осуществляется комплекс мероприятий по обновлению законодательства, обеспечению господства права и верховенства закона, незыблемости основных прав и свобод личности, защите общества от произвола власти, взаимной ответственности государства и личности. В связи с этим неизбежно осуществляется кардинальное преобразование доктринальных взглядов, идей, а соответственно и изменение ценностных характеристик отечественной юридической науки, ее основ и ориентиров.

Нельзя не согласиться с мнением С.С. Алексеева, который отмечает, что в настоящее время нет принципиальной разницы в состоянии юридической мысли в Москве и регионах. Во всяком случае это касается ведущих научных коллективов столицы, Санкт-Петербурга и вузовских и научных центров, относимых обычно к числу «провинциальных» (таких, как Саратов, Екатеринбург, Томск, Иркутск и др.), где работают видные российские ученые-правоведы⁷⁶.

В этой связи о правовой доктрине следует говорить, прежде всего, как об особом правовом явлении и регуляторе общественных отношений. Очевидно, что при формировании модели правового регулирования традиционно особое место занимают научные работы в области права. Именно в них проводятся тщательные исследования тех или иных правовых институтов: изучается их природа, история становления, тенденции развития, этимология происхождения терминов, проводится сравнительный анализ со сходными институтами отечественной правовой системы, а также зарубежных государств. Это касается как механизма совершенствования законодательства, так и методологии толкования законов. Особая роль здесь отводится созданию новых правовых категорий и уточнению уже действующих, что способствует эффективной реализации такого признака правовых норм, как формальная определенность, а также их буквальному толкованию. Следует согласиться с мнением ученых, которые оценивают роль доктрины в современных условиях как чрезвычайно важную в совершенствовании законодательства, в создании правовых понятий и в методологии толкования законов⁷⁷.

Интересные суждения о природе и значении политико-правовых доктрин высказывал Л.Д. Воеводин. Он обоснованно относит их к элементам юридической техники. По мнению Л.Д. Воеводина, «в противоположность другим конституционным нормам правовая доктрина имеет более жесткий, установленный, указующий характер»⁷⁸. На наш взгляд, также заслуживает внимания мнение Л.Д. Воеводина о том, что, хотя в отечественной конституционной литературе речь о правовых доктринах не ведется, выделение этого элемента юридической техники в конституционном праве позволяет более глубоко проникнуть в правовую природу соответствующих институтов⁷⁹. Оценивая данную позицию, В.М. Баранов говорит о том, что «это тем более необходимо сделать, если учесть, что современная правотворческая практика использует феномены «концепция», «доктрина», «программа» совершенно произвольно»⁸⁰.

В научных работах упоминание о юридической доктрине можно встретить, например, в работах следующих авторов. Е.В. Вавилин оперирует понятием «юридическая доктрина»,

⁷⁶ См.: Интервью с Алексеевым С.С. // Законность. 2001. № 3. С. 43.

⁷⁷ См., напр.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 313.

⁷⁸ Л.Д. Воеводин, Юридическая техника в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1997. С. 21.

⁷⁹ См. там же.

⁸⁰ В.М. Баранов, Указ. соч. С. 57.

исследуя проблему правовой политики в сфере защиты гражданских прав⁸¹. С.С. Алексеев в своих исследованиях выделяет отдельные виды политико-правовых доктрин России, таких как:

«Леворадикальная революционная доктрина военно-коммунистического толка», «Коммунистическая доктрина», «Марксистская доктрина»⁸². А.Я. Капустин использует следующие понятия:

«Доктрина «права Сообщества» Суда ЕС», «Западноевропейская правовая доктрина», «Доктрина прямого действия «права Сообщества», «Доктрина примата «права Сообщества»⁸³. Перечень научных работ, использующих понятие юридическая доктрина, можно было бы продолжить, однако это является нецелесообразным в связи с ограниченностью рамок настоящего исследования.

Принимая во внимание то обстоятельство, что право в методологическом смысле есть средоточие идеи, суть идеальный феномен, элементарной частью, с которой имеет дело доктрина, выступает правовая конструкция, следует иметь в виду, что понятие правовой конструкции охватывает как отдельную норму права, так и правовые принципы, так называемые нормы-дефиниции и иные нетипичные для позитивного права юридические построения, дискуссия об определении природы которых не завершена до настоящего времени⁸⁴. Правовая конструкция представляет собой базисное юридическое построение в праве вообще⁸⁵.

Ю.А. Тихомиров выделил четыре основных направления комплексного применения законодательной техники, которые на наш взгляд, приемлемы и для юридической доктрины.

Во-первых, систематическое и планомерное воздействие на законодательную деятельность, когда с ее помощью удастся тщательно и юридически корректно формировать нормативную ткань будущего закона, проводить юридическую экспертизу с точки зрения соблюдения правил законодательной техники и действующей юридической доктрины, не допускать и исправлять законодательные ошибки. Нельзя не согласиться с Н.Н. Тарасовым в том, что «методологические исследования для нашей юриспруденции сегодня, пожалуй, более практически значимы, нежели любые содержательные конкретные исследования, ибо достоверность и обоснованность последних, корректность и применимость их результатов напрямую зависят от степени разработанности методологии юридической науки»⁸⁶. Не только критически настроенный исследователь понимает значимость концептуальных основ общей теории государства и права.

⁸¹ См.: Е.В. Вавилин, Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Маль-ко. М.: НОРМА, 2003. С. 280.

⁸² См.: С.С. Алексеев, Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2002. С. 34-35.

⁸³ См.: А.Я. Капустин, Европейское союз: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН, 2000. С. 314, 323, 363.

⁸⁴ См.: Л.И. Пertaжицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 262 и след.

⁸⁵ В.М. Хвостов определял юридическую конструкцию совершенно отличным образом как одну из операций, производимых доктриной (см.: Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М., 1996. С. 48).

⁸⁶ Н.Н. Тарасов, Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9.

«Главной задачей и заботой современной юридической науки в России является становление концептуального теоретического мышления»⁸⁷, – подчеркивает О.Э. Лейст.

Во-вторых, оказывание влияния на правоприменительную деятельность, способствуя правильному пониманию смысла законов и содержания правовых норм, верному применению их как основания для издания подзаконных актов, осуществления юридических действий, использования механизма правовой защиты граждан и юридических лиц.

В-третьих, выступление в качестве средства международного обмена правовой информацией как способ сближения национальных законодательств и введения общих и согласованных юридических режимов. Тем самым достигается «сопряженность» информационно-правовых технологий обработки, хранения и использования законодательных массивов в рамках СНГ, Совета Европы, других межгосударственных объединений и международных организаций.

В-четвертых, выступление в качестве средства обучения основам правотворчества и правоприменения⁸⁸.

Значимость юридической доктрины выражается в том, что логическим следствием выполнения ее требований и правил является унифицированное и непротиворечивое законодательство. Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие характеризующие признаки правовой доктрины.

В первую очередь, здесь следует отметить тот факт, что юридическая доктрина является продуктом профессиональной научной деятельности. «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов»⁸⁹.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»⁹⁰. В этом проявляется значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, положенной в основу законодотворческого и правоприменительного процессов.

Целеполагание при проведении научных исследований в области юриспруденции должно базироваться на необходимости применения их результатов в законотворческом процессе. Иначе доктрина будет мертва. Применение ее положений в законотворческом процессе есть высшая цель юридической доктрины.

⁸⁷ О.Э. Лейст, *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. М., 2002. С. 244.

⁸⁸ Ю.А.Тихомиров, *Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова*. Н. Новгород, 2000. С. 44.

⁸⁹ В.В. Сорокин, *Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник*. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/soro-ст-ственности>. СПб., 1907. С. 223.

⁹⁰ См.: А.В.Малько, *Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

Специфическим свойством выражения доктринальных положений как составляющих юридической доктрины являются аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и иные подобные основоположения, в том числе концепции.

В заключении хотелось бы отметить, что, как видно из настоящего исследования, одним из приоритетнейших направлений развития современной российской правовой политики является базирование ее, прежде всего, на строго научной основе.

Именно доктринальные начала выступают главными векторами развития правовой политики, именно здесь закладываются основы и для правотворческой, и для правоприменительной политики. Обеспечение концептуализации теоретических взглядов и практических подходов в области правового регулирования является одной из первоочередных задач современной юридической науки.

Особенностью современной ситуации, как отмечает С.М. Миронов, является то, что мы должны принимать наиболее эффективные законодательные решения в режиме немедленного реагирования⁹¹, а это возможно сделать только при непосредственном участии юридической доктрины как при формировании правовой политики в целом, так и ее отдельных форм, в том числе правотворческой, правоприменительной и др. Только в этом случае мы можем с полной уверенностью говорить о высокой степени научности российской правовой политики.

Представляется очевидным, что использование на практике данных юридической доктрины есть объективно обусловленный этап развития правовой политики. Именно поэтому, на наш взгляд, С.С. Алексеев оценивает его как «необходимый и важный этап или элемент законоподготовительной работы. Этап или элемент законоподготовительной работы... предопределяющий саму возможность того, чтобы действующее право достигло высокого современного уровня»⁹².

Однако необходимо оговориться, что сказанное не означает, что депутаты всех уровней законодательных органов власти должны обладать абсолютно точными теоретико-правовыми знаниями. Во-первых, это сложно в связи с обширным уровнем представленных в данных органах слоев населения, а, во-вторых, это привело бы к необходимости внесения изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие порядок выдвижения и выборов депутатов, а также предъявление к ним дополнительных требований по наличию высшего юридического образования, что само по себе представляется излишним и противоречащим основным правам человека и гражданина.

Суть дела в другом. Необходимо, чтобы при подготовке законопроектов участвовали и имели при этом весомое слово специалисты-правоведы, знающие и умеющие применять на практике данные правовой философии и, по-видимому, прежде всего, данные теории

⁹¹ С.М. Выступление, Миронова на заседании Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации 13 сентября 2009 года (г. Москва). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html> (по мат. офиц. сайта).

⁹² Там же. С. 205-206.

«чистого права», в том числе официальное привлечение ученых-юристов к работе над законопроектами.

С.С. Алексеев даже выдвигает версию о том, что в ближайшее время, быть может, окажется необходимой (и практически возможной) особая экспертиза по вопросу соответствия проекта закона требованиям, вытекающим из идеи чистого права⁹³.

Можно, пожалуй, утверждать, что участие в законоподготовительных работах специалистов-правоведов, владеющих знаниями высокой правовой теории, и достойное авторитетное их место в таких работах – это верные показатели уровня юридической культуры в стране. Таким показателем является и признание того, что критерием высокой классности юриста-профессионала должно считаться знание и умение применять на практике такого рода знания. Построение российской правовой политики именно на строго научных (доктринальных) началах выступает в качестве одного из условий признания ее справедливой в российском обществе.

Доктринальная форма российской правовой политики преимущественно воплощается в проектах правовых актов, в научном предвидении развития юридических ситуаций, которые находят свое выражение, прежде всего, именно на страницах юридических журналов, научных работ, диссертационных исследований. Юридическая наука – важнейшее направление правовой политики, так как именно здесь разрабатывается идеология права как социального института, его цели, функции, принципы, дух и смысл, формируются новые отрасли, институты и нормы права, новые юридические конструкции, понятия, инструменты, прогнозируется эволюция юридических технологий и правовой жизни. «Юридические воззрения и концепции чрезвычайно значимы для формирования модели правового регулирования, для совершенствования законодательства, для оптимизации методологии толкования юридических норм, для правореализационного процесса»⁹⁴. При этом следует сделать акцент на том, что «современное состояние теоретической мысли характеризуется все возрастающим интересом к самой науке, обнаружению закономерностей, анализу результатов. Тайны науки не лежат на поверхности, проникновение в них предполагает, прежде всего, осмысление того, каким закономерностям она подчиняется, каким образом достигаются ее результаты, каковы перспективы дальнейшего усиления ее могущества в овладении силами природы, общества, человеческим мышлением и деятельностью»⁹⁵. В этой связи одним из направлений юридической доктрины в рамках развития российской правовой политики должна выступить работа в сфере выявления закономерностей правовой политики как федерального, так и регионального уровней.

⁹³ С.С. Алексеев, Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: НОРМА, 1998. С. 205.

⁹⁴ А.В. Малько, Правовая политика как способ организации правовой жизни, Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М: НОРМА, 2003. С. 166.

⁹⁵ Д.А. Керимов, Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. И доп. М.: СГА, 2003. С. 8.

Как отмечает Д.А. Керимов, «...после известной сталинской работы, посвященной экономическим проблемам строительства социализма в СССР, мы так увлеклись объективностью экономических законов, что почти не оставили места для субъективно-творческого воздействия не только на них, но и на любые другие объективные факторы... В настоящее время российские законодатели впали в противоположную крайность. Это выражается в том, что они менее всего учитывают объективность регулируемых общественных отношений. В результате возникла не только неразбериха в самом законодательстве, но и полнейший хаос в правоприменительной практике. Отсутствие должного уровня законодательной культуры, слабое представление о требованиях законодательной техники у большинства депутатов (даже юристов) и тем более у чиновников правительственных и президентских структур приводит к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в законотворчестве, недооценке их связи, взаимодействия и проникновения друг в друга»⁹⁶.

Дело осложняется тем, что возникает необходимость использования в законотворчестве более высокой формы отражения – опережающего отражения, в которой опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее.

Правовые нормы могут способствовать оптимальному осуществлению и ускорению одних общественных отношений, предотвращению или замораживанию других. Для этого законодателю необходима полная и объективная информация.

Информационное обеспечение законотворчества имеет чрезвычайно важное значение, так как позволяет прогнозировать последствия правового регулирования тех или иных общественных отношений. Такой прогноз может не только заранее показать обоснованность тех или иных законодательных актов или их обреченность на бездействие, но и предотвратить принятие правовых установлений, действия которых опасны для нормальной жизнедеятельности общества и его членов.

Таким образом, следует признать справедливость постулата, согласно которому «уровень закона никогда не превысит уровня научнотеоретических познаний, существующего в конкретном обществе в данный временной период»⁹⁷. В основе предлагаемого тезиса лежит посылка, согласно которой правотворческая ошибка есть результат несоблюдения законотворцем каких-либо общепринятых требований, стандартов, правил, выработанных юридической доктриной.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»⁹⁸. Именно в этом проявляется

⁹⁶ Там же. С. 11.

⁹⁷ А.В. Лукашева, Законотворческие ошибки // Гражданин и право. 2000. № 3. С. 11.

⁹⁸ См.: А.В. Малько, Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, полагаемой в основу законотворческого и правоприменительного процессов.

Как отмечается, «под правовой политикой понимается целенаправленная планомерная деятельность государства в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера»⁹⁹. Так, Огюст Конт главный источник морального и политического кризиса общества видел в глубоком разногласии умов и отсутствии общих идей, а выход усматривал в обнаружении положительных научных истин. Миром правят идеи¹⁰⁰.

Мало того, правовая политика образует организующее начало всей правовой жизни и правового развития общества, выступает одной из форм проведения государственной политики, средством юридической легитимации официального политического курса страны. Стратегия правового развития – это система стратегического реагирования на глобальные вызовы сегодняшнего дня и будущего, которая в соответствии с Конституцией РФ определяется политической стратегией государства¹⁰¹.

В России происходят сложные и глубокие преобразования и коренные изменения в общественной жизни. Быстро меняются общественные отношения, приводится в соответствие с поставленными временем задачами структура органов государственной власти. Обилие нормативно-правовых актов, принимаемых в нашей стране на различных уровнях управления, свидетельствует о том, что государство стремится урегулировать важнейшие стороны общественной жизни¹⁰². Вместе с тем, как справедливо отмечал А.Б. Венгеров, следует предостеречь от юридического романтизма, представлений, что все социальные проблемы можно решить декретированием, принятием законов¹⁰³. Все это ставит перед юридической наукой задачу выработать адекватные реалиям жизни теоретические концепции, научные выводы и положения, практические рекомендации и предложения, связанные с правотворческой деятельностью и правотворческой политикой современного Российского государства.

Следующим направлением российской правовой политики выступает решение проблемы правового информирования общества. К сожалению, в настоящее время, несмотря на колоссальное число издаваемых научных юридических изданий, в том числе и периодических, доступ к ним в основном имеет узкий круг, как правило, сами ученые-юристы. В этой связи уместно было бы акцентировать внимание государственной правовой политики на стимулировании издателя определенную часть продукции передавать в библиотечные фонды. По крайней мере, в каждой библиотеке должны находиться

⁹⁹ Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 5.

¹⁰⁰ Цит. по: Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М., 2003. С. 367.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² А.П. Мазуренко, Региональная правотворческая политика / под ред. А.В. Малько. Ставрополь – Минеральные Воды: НЭАКС ГДСК: СКФ МГЭИ: Спецпечать, 2006. С. 23.

¹⁰³ А.Б. Венгеров, Теория государства и права. М., 1998. С. 504.

источники официального опубликования нормативно-правовых актов федерального уровня (Российская газета и Собрание законодательства РФ) и регионального уровня (СМИ, учредителями которых выступают соответствующие органы власти субъектов РФ и органов местного самоуправления). Только в этом случае обоснованным и закономерным выглядит принцип российского права – «незнание закона не освобождает от ответственности». В рамках рассматриваемого направления акцент также должен быть сделан на свободный доступ любого заинтересованного лица к судебной практике Верховного Суда РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В качестве следующего направления выступает проблема разработки и унификации категориального аппарата российской правовой политики. Как говорится, «следует определиться с понятиями, прежде чем начинать спорить». В настоящее время с полной уверенностью можно утверждать, что дефиниция «правовая политика» прочно закрепилась в юридической науке, однако ее категориальный аппарат оставляет желать лучшего. Так, по справедливому замечанию А.С. Автономова, «категориальный аппарат составляет основу любой науки. Именно специфичная система категорий служит каркасом каждой науки, во многом определяя ее особенности, отличающие ее от других наук. В силу этого разработка проблем категорий не может не занимать весьма важного места в правоведении. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы наблюдался избыток отечественных исследований, посвященных правовым категориям»¹⁰⁴.

Изучение категорий российской правовой политики имеет не только теоретическое значение, но и большую практическую важность. По справедливому замечанию Л. да Винчи, «увлекающийся практикой без науки – словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса; он никогда не уверен в том, куда плывет. Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории»¹⁰⁵.

Правовая политика и ее отдельные формы реализации относятся к числу явлений, которые существуют и развиваются в соответствии с присущими им объективными законами, но при этом – к таким явлениям, которые порождаются деятельностью людей и эволюционируют только в результате человеческой деятельности. Поэтому для нормального развития российской правовой политики в общем и ее видов в частности весьма значимым является адекватное понимание таких объективных законов. «А роль категорий в познании объективных законов существования и развития любых явлений очень велика...»¹⁰⁶.

Трудно не согласиться с А.С. Автономовым в том, что «недостаточные или неадекватные знания о правовых категориях у достаточно широкого круга участников нормотворческого процесса создают ситуацию, неблагоприятную для нормального развития права уже на стадии формирования правовых норм... Недостаточные или неадекватные

¹⁰⁴ А.С. Автономов, *Правовая онтология политики. К построению системы категорий*. М.: Инфограф, 1999. С. 5.

¹⁰⁵ Леонардо да Винчи. *Избранные произведения*: в 2 т. М., 1935. Т. 1. С. 53.

¹⁰⁶ А.С. Автономов, *Указ. раб.* С. 6.

знания о правовых категориях (не говоря уже об отсутствии таких знаний) осложняют право-познание и, естественно, правоприменение»¹⁰⁷.

В качестве следующего направления развития российской правовой политики на началах научности правомерно указать необходимость закрепления в российском обществе путем формирования правового сознания, правовой культуры выработанной юридической доктриной тезиса – «общество имеет право, а государство обязано», причем не просто закрепить, а разработать научно обоснованную программу практической реализации его в правовой жизни России. Этот тезис, в первую очередь, означает, что «государственная власть в любой своей ипостаси должна контролироваться обществом и быть зависимой от него»¹⁰⁸. Как нам представляется, наиболее прогрессивной частью общества в рамках уровня правовой культуры и правосознания выступает именно научная юридическая общественность, что в свою очередь накладывает повышенную обязанность по формированию правовой политики в России и соответственно ответственность за ее недостатки именно на эту группу российского общества.

Прежде всего, это проявляется в реализации учеными юристами потенциальной возможности прогнозирования закономерностей развития российской правовой политики и необходимости либо принятия новых нормативно-правовых актов, либо совершенствования существующих. В этой связи мы закономерно можем выделить в качестве направления доктринального развития российской правовой политики процесс повышения роли ученых-юристов в законодательной инициативе. Очевидно, что «рождение закона – сложный, деликатный, весьма специфичный процесс»¹⁰⁹, который явно по силу не всем. Одновременно следует отметить, что едва ли в истории человечества можно найти общество, которое было бы вполне довольное собственными законами. В любом государстве и в любую эпоху существует бесконечное разнообразие интересов – политических, экономических, религиозных, возрастных и многих других, диктующих равноправное сосуществование самых разных взглядов на социум и основные принципы его развития, что, соответственно, возлагает на юридическую науку повышенные требования по учету максимального числа интересов российского общества, максимально отвечающие потребностям российской правовой жизни.

Согласно ст. 104 Конституции РФ, право законодательной инициативы далеко не беспредельно. Оно принадлежит только Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации¹¹⁰. Важно отметить, что перечисленные властные институты могут

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Законодательный процесс в России: граждане и власть // Фонд развития парламентаризма в России [сайт]. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

вносить законопроекты по всем вопросам, отнесенным Конституцией к ведению Федерации, а также к совместному ведению Федерации и ее субъектов. В данном случае ученые юристы либо через научные исследовательские центры (например, такие как «Научно-образовательный центр правовой политики субъектов Российской Федерации»), либо через региональные отделения общероссийских общественных организаций (например, такие как Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России») в состоянии влиять, по крайней мере, на решение соответствующих законодательных органов субъектов РФ выйти с соответствующими законодательными инициативами на федеральный уровень.

В рамках доктринальных начал российской правовой политики следовало бы ввести правило, согласно которому, проект закона следовало бы принимать только после «некоторого периода его освоения со средой; так именно и поступает французская Академия, отнюдь не торопясь вносить в свой словарь неологизмы. Затем существенно важно, чтобы всякое юридическое нововведение, присоединяясь к общепризнанным принципам права, принимало бы их окраску, подобно тому, как должно национализироваться всякое иностранное слово, вводимое в какойлибо язык»¹¹¹.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время в кризисном состоянии находится как федеральная, так и региональная правовые политики, «характеризующиеся отсутствием концептуального подхода, неясностью стратегической составляющей, размытостью приоритетов развития правовых систем регионов»¹¹², что в свою очередь ставит перед юридической наукой повышенные задачи. Однако это не значит, что юридическая наука в один день в состоянии решить проблемы российской правовой политики, что в свою очередь выдвигает на первый план необходимость проведения консолидированной работы ученых в намеченном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Malcolm N. Shaw. 1977. International Law. Kent.
- Абдулаев Магомед Имранович. 2003. Правоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер. [Abdulaev Magomed Imranovich. 2003. Pravovedenie: uchebnik dlya vuzov. SPb.: Pi-ter].
- Автономов Алексей Станиславович. 1999. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М.: Инфограф. [Avtonomov Aleksej Stanislavovich. 1999. Pravovaya ontologiya politiki. K postroeniyu sistemy kategorij. M.: Infograf].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 1981. Общая теория права. М., Т. 1. [Alekseev Sergej Sergeevich. 1981. Obshchaya teoriya prava. M., T. 1].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: НОРМА. [Alekseev Sergej Sergeevich.

¹¹¹ Тард Г. Социальная логика // Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М., 2003. С. 378.

¹¹² Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 9.

1998. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Imannuil Kant i problemy prava v sovremennuyu ehporu*. M.: NORMA].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 2002. *Восхождение к праву. Поиски и решения*. М.: НОРМА. [Alekseev Sergej Sergeevich. 2002. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya*. M.: NORMA].
- Бакшеев Николай. 1883. *Курс законовещения*. СПб. [Baksheev Nikolaj. 1883. *Kurs zakonovedeniya*. SPb].
- Баранов Владимир Михайлович. 2003. *Концепция законопроекта: учебное пособие*. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. [Baranov Vladimir Mihajlovich. 2003. *Konceptsiya zakonoproekta: uchebnoe posobie*. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii].
- Байниязов Рустам Сулейманович. 2001. *Теоретические вопросы правосознания*. Саратов: СЮИ МВД России. [Bajniyazov Rustam Sulejmanovich. 2001. *Teoreticheskie voprosy pravosoznaniya*. Saratov: SYUI MVD Rossii].
- Байтин Михаил Иосифович. 2001. *О формировании российской юридической доктрины нового столетия // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП. [Bajtin Mihail Iosifovich. 2001. *O formirovanii rossijskoj yuridicheskoy doktriny novogo stoletiya // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya*. Saratov: SGAP].
- Вавилин Евгений Валерьевич. 2003. *Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько*. М.: НОРМА. [Vavilin Evgenij Valer'evich. 2003. *Pravovaya politika v sfere zashchity grazhdanskih prav // Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko*. M.: NORMA].
- Венгеров Анатолий Борисович. 1998. *Теория государства и права*. М. [Vengerov Anatolij Borisovich. 1998. *Teoriya gosudarstva i prava*. M].
- Воеводин Леонид Дмитриевич. 1997. *Юридическая техника в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. [Voevodin Leonid Dmitrievich. 1997. *Yuridicheskaya tekhnika v konstitucionnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*].
- Герасименко Анатолий Петрович. 1996. *Юридические и идеологические правовые системы*. М. [Gerasimenko Anatolij Petrovich. 1996. *Yuridicheskie i ideologicheskie pravovye sistemy*. M].
- Гранат Нина Львовна. 1984. *Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел*. М. [Granat Nina L'vovna. 1984. *Professional'noe soznanie i socialisticheskaya zakonnost' v deyatel'nosti organov vnutrennih del*. M].
- Давид Рене, Жоффре-Спинози Камилла. 2003. *Основные правовые системы современности / пер. с фр. Владимир Александрович. Туманова*. М.: Междунар. Отношения. [David Rene, Zhoffre-Spinozi Kamilla. 2003. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. Vladimir Aleksandrovich. Tumanova*. M.: Mezhdunar. Otnosheniya].
- Демидов Александр Иванович. 2001. *Принципы юридической доктрины России // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП. [Demidov Aleksandr Ivanovich. 2001. *Principy yuridicheskoy doktriny*

- Rossii // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Долбин Владимир Александрович. 1896. Курс законоведения. СПб. [Dolbin Vladimir Aleksandrovich. 1896. Kurs zakonovedeniya. SPb].
- Жуковский Эдуард Адольфович. 1898. Курс законоведения. СПб. [Zhukovskij Ehduard Adol'fovich. 1898. Kurs zakonovedeniya. SPb].
- Законодательный процесс в России: граждане и власть. 1996. Фонд развития парламентаризма в России. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html. [Zakonodatel'nyj process v Rossii: grazhdane i vlast'. 1996. Fond razvitiya parlamentarizma v Rossii. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html].
- Интервью с Алексеевым С.С. 2001. Законность. № 3. [Interv'yu s Alekseevym S.S. 2001. Zakonnost'. № 3].
- Капустин Анатолий Яковлевич. 2000. Европейское союз: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН. [Kapustin Anatolij Yakovlevich. 2000. Evropejskoe soyuz: integraciya i pravo: monografiya. M.: Izdatel'stvo RUDN].
- Корельский Виктор Михайлович, Перевалов Виктор Дмитриевич. 1998. Теория государства и права. М. [Korel'skij Viktor Mihajlovich, Perevalov Viktor Dmitrievich. 1998. Teoriya gosudarstva i prava. M.].
- Катаев Николай Анатольевич, Лазарев Валерий Васильевич. 1994. Теория права и государства. Уфа. [Kataev Nikolaj Anatol'evich, Lazarev Valerij Vasil'evich. 1994. Teoriya prava i gosudarstva. Ufa].
- Катков Василий Данилович. 1913. Jurisprudentiae novum organon. Одесса. Т. 1. Цивилистика. С. VI-VII. [Katkov Vasilij Danilovich. 1913. Jurisprudentiae novum organon. Odessa. T. 1. Civilistika. S. VI-VII].
- Керимов Джангир Аббасович. 2003. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: СГА. [Kerimov Dzhangir Abbasovich. 2003. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 3-e izd., pererab. I dop. M.: SGA].
- Кулапов Виктор Лаврентьевич Теоретические основы государства и права: методические рекомендации для повторения курса. Саратов: СГАП, 2003. [Kulapov Viktor Lavrent'evich Teoreticheskie osnovy gosudarstva i prava: metodicheskie rekomendacii dlya povtoreniya kursa. Saratov: SGAP, 2003].
- Леонардо да Винчи. 1935. Избранные произведения: в 2 т. М., Т. 1. [Leonardo da Vinchi. 1935. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. M., T. 1].
- Лейст Олег Эрнестович. 2002. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. [Lejst Oleg Ehrnestovich. 2002. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M.].
- Лукашева А.В. 2000. Законотворческие ошибки // Гражданин и право. № 3. [Lukasheva A.V. 2000. Zakonotvorcheskie oshibki // Grazhdanin i pravo. № 3].
- Лукашева Елена Андреевна. 1973. Социалистическое правосознание и законность. М. [Lukasheva Elena Andreevna. 1973. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. M.].
- Лукин Радомир. 1981. Методология права. Москва. [LuKin Radomir. 1981. Metodologiya prava. Moskva].
- Мазуренко Андрей Петрович. 2006. Региональная правотворческая политика / под ред. Александра Васильевича Малько. Ставрополь – Минеральные Воды: НЭАКС ГДСК:

- СКФ МГЭИ: Спецпечать. [Mazurenko Andrej Petrovich. 2006. Regional'naya pravotvorcheskaya politika / pod red. Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. Stavropol' – Mineral'nye Vody: NEHAKS GDSK: SKF MGENI: Спецпечать].
- Малахов Валерий Петрович. 2003. Правовая мысль: антология. М. [Malahov Valerij Petrovich. 2003. Pravovaya mysl': antologiya. M.].
- Малько Александр Васильевич. 1995. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. № 3. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 1995. Pravo grazhdanina na informaciyu: neobhodimost', priroda, garantii realizacii // Pravovedenie. № 3].
- Малько Александр Васильевич. 1993. Двоичность информации и язык законодательства // Правоведение. № 1. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 1993. Dvoichnost' informacii i yazyk zakonodatel'stva // Pravovedenie. № 1].
- Малько Александр Васильевич. 2001. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2001. Yuridicheskaya doktrina kak vazhnejshee napravlenie sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Малько Александр Васильевич. 2003. Правовая политика как способ организации правовой жизни, Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. М: НОРМА. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2003. Pravovaya politika kak sposob organizacii pravovoj zhizni, Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. M: NORMA].
- Малько Александр Васильевич. 2008. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. М. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2008. Proekt koncepcii pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii do 2020 g. M.].
- Марченко Михаил Николаевич. 1996. Теория государства и права: учебник. М.: Юрид. лит. [Marchenko Mihail Nikolaevich. 1996. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yurid. Lit].
- Матузов Николай Игнатьевич. 2003. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. М.: Издательство НОРМА. [Matuzov Nikolaj Ignat'evich. 2003. Pravovaya politika: sushchnost', koncepciya, real'nost' // Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. M.: Izdatel'stvo NORMA].
- Матузов Николай Игнатьевич. 2001. Идея диктатуры закона в контексте российской юридической доктрины // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП. [Matuzov Nikolaj Ignat'evich. 2001. Ideya diktatury zakona v kontekste rossijskoj yuridicheskoj doktriny // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Матузов Николай Игнатьевич (ред.), Малько Александр Васильевич (ред.). 2001. Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. [Matuzov

- Nikolaj Ignat'evich (red.), Mal'ko Aleksandr Vasil'evich (red.). 2001. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist"].
- Миронов Сергей Михайлович. 2009. Выступление С.М. Миронова на заседании Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации 13 сентября 2009 года (г Москва). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html>. [Mironov Sergej Mihajlovich. 2009. Vystuplenie S.M. Mironova na zasedanii Soveta po vzaimodejstviyu Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii s zakonodatel'nymi (predstavitel'nymi) organami gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii 13 sentyabrya 2009 goda (g. Moskva). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html>].
- Морозова Людмила Александровна. 2003. Государство и право. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: НОРМА. [Morozova Lyudmila Aleksandrovna. 2003. Gosudarstvo i pravo. Povtoritel'nyj kurs v voprosah i otvetah. M.: NORMA].
- Нерсесянц Владик Сумбатович (ред.). 2000. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М. [Nersesyanc Vladik Sumbatovich (red.). 2000. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: uchebnik dlya vuzov. M.].
- Пастушенко Елена Николаевна. 2003. Юридическая доктрина публичности статуса Центрального банка Российской Федерации // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения / под ред. Александра Ивановича Демидова. Саратов: СГАП. [Pastushenko Elena Nikolaevna. 2003. Yuridicheskaya doktrina publichnosti statusa Central'nogo banka Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya / pod red. Aleksandra Ivanovicha Demidova. Saratov: SGAP].
- Пацуркивский Петр Станиславович. 2003. Особенности финансово-правовой доктрины постсоциалистического государства // Финансовый механизм и его правовое регулирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Саратов: СГСЭУ. [Pacurkivskij Petr Stanislavovich. 2003. Osobennosti finansovo-pravovoj doktriny postsocialisticheskogo gosudarstva // Finansovyj mekhanizm i ego pravovoe regulirovanie: tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov: SGSEHU].
- Петражицкий Лев Иосифович. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. [Petrazhickij Lev Iosifovich. 2000. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. SPb].
- Петров Вадим Петрович. 1999. Оборонно-конверсионные концепции как социальные потребности государства: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Н. Новгород. [Petrov Vadim Petrovich. 1999. Oboronno-konversionnye koncepcii kak social'nye potrebnosti gosudarstva: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. N. Novgorod].
- Радько Тимофей Николаевич. 1993. Функции права. Общая теория права. Н. Новгород. [Rad'ko Timofej Nikolaevich. 1993. Funkcii prava. Obshchaya teoriya prava. N. Novgorod].
- Радько Тимофей Николаевич. 1987. Функции советских правовых норм. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. Михаила Иосифовича Байтина, Владимира Константиновича Бабаева. Саратов. [Rad'ko Timofej Nikolaevich. 1987. Funkcii

- sovetskih pravovyh norm. Normy sovetskogo prava. Problemy teorii / pod red. Mihaila Iosifovicha Bajtina, Vladimira Konstantinovicha Babaeva. Saratov].
- Рождественский Николай. 1863. Энциклопедия законовещения. СПб. [Rozhdestvenskij Nikolaj. 1863. Ehnciklopediya zakonovedeniya. SPb].
- Степанов Дмитрий Иванович. 2003. Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. Олег Юрьевич Шилохвоста. М.: НОРМА. Вып. 6. [Stepanov Dmitriy Ivanovich. 2003. Voprosy metodologii civilisticheskoy doktriny. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statej / pod red. Oleg Yur'evich Shilohvosta. M.: NORMA. Vyp. 6].
- Сорокин Виталий Викторович. [б.д.]. Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>. [Sorokin Vitalij Viktorovich. [b.d.]. Sudebnaya praktika kak istochnik prava: Za i protiv // Sibirskij yuridicheskij vestnik [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>].
- Стоянов Андрей Николаевич. 1879. Научное значение всеобщей истории законодательств // Юридический вестник. № 10. [Stoyanov Andrej Nikolaevich. 1879. Nauchnoe znachenie vseobshchej istorii zakonodatel'stv // Yuridicheskij vestnik. № 10].
- Тарасов Николай Николаевич. 2001. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург. [Tarasov Nikolaj Nikolaevich. 2001. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki. Ekaterinburg].
- Тард Габриель. 2003. Социальная логика // Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М. [Tard Gabriel'. 2003. Social'naya logika // Pravovaya mysl': antologiya / avt.-sost. V.P. Malahov. M.].
- Тихомиров Юрий Александрович. 2000. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. [Tihomirov Yuriy Aleksandrovich. 2000. Problemy yuridicheskoy tekhniki: sbornik statej / pod red. V.M. Baranova. N. Novgorod].
- Томин Валентин Тимофеевич. 1998. Современная российская уголовно-процессуальная доктрина: есть ли она и, если есть, чему служит? // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль. [Tomin Valentin Timofeevich. 1998. Sovremennaya rossijskaya ugovolno-processual'naya doktrina: est' li ona i, esli est', chemu sluzhit? // Yuridicheskaya tekhnika i voprosy differenciacii otvetstvennosti v ugovolnom prave i processe. Yaroslavl'].
- Умов Владимир Алексеевич. 1873. Понятие и методы исследования гражданского права. М. [Umov Vladimir Alekseevich. 1873. Ponyatie i metody issledovaniya grazhdanskogo prava. M.].
- Хвостов Вениамин Михайлович. 1996. Система римского права: учебник. М. [Hvostov Veniamin Mihajlovich. 1996. Sistema rimskogo prava: uchebник. M.].
- Шепелев Артур Николаевич. 2002. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. [Shepelev Artur Nikolaevich. 2002. Yazyk prava kak samostoyatel'nyj funkcional'nyj stil': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod].
- Щегорцов Валерий Александрович. 1981. Социология правосознания. М. [Shchegorcov Valerij Aleksandrovich. 1981. Sociologiya pravosoznaniya. M.].